

Доказательство Божественного происхождения Св.Писания

В самом деле, на чем покоится признание тех или других книг Священным Писанием и подлинно апостольским произведением? Ответ на эти вопросы может быть только один: наше признание тех или других книг Священным Писанием и подлинно апостольским произведением покоится исключительно на вере в Церковь и на доверии церковному авторитету. Книги Священного Писания написаны апостолами и преданы на хранение Церкви. Апостолы, особенно ап. Павел, давали даже особые доказательства подлинности своих посланий, снабжая их своими собственноручными подписями. Хранительницей подлинных посланий и вообще произведений апостольских была Церковь. Она одна могла судить об апостольском достоинстве своего достояния. Церковь, наконец, и выразила в своих определениях свое учение о составе Священного Писания. Потому и обязательно для нас признание Новым Заветом именно известных 27-ми книг, что эти книги в качестве Нового Завета признаны Церковью. Блаж. Августин говорил: "Ego vero Evangelio non crederem, nisi me catholicae Ecclesiae commoverat auctoritas" [46]. Т.е. "Я не веровал бы Евангелию, если бы не побуждал меня к тому авторитет католической Церкви". В этих словах Августина выражена великая истина. Если нет Церкви, то нет и Священного Писания. Протестанты и сектанты, по-видимому, признают и почитают Священное Писание, но это признание разве не висит у них в воздухе? Пусть-ка протестанты или сектанты до конца искренно продумают вопрос: да почему эти именно книги признаем мы Священным Писанием? Сослаться на свое личное мнение, это значит отказаться от разумного ответа. На науку сослаться тоже нельзя.

Вопрос о происхождении и подлинности книг Священного Писания много обсуждается в науке. Научная литература растет уже целые столетия. Написаны груды книг. Но ведь положительных результатов нет. Нет таких результатов, которые обязывали бы всех с ними согласиться. Как может протестант сослаться на свою "беспристрастную" науку, если в ней идет безнадежный спор даже о подлинности евангелий, особенно евангелия Иоанна! Пусть решит протестант вопрос о подлинности пастырских посланий ап. Павла!

Но ведь на этот вопрос ему представители протестантской науки ответят все по-разному. Ученые консервативного направления признают их за подлинные произведения ап. Павла. Другие скажут, что лишь в основе их лежат подлинные послания Павла; в настоящем же своем виде они ему принадлежать не могут; в них есть позднейшие добавления. Третьи объявляют пастырские послания целиком позднейшей подделкой да еще тенденциозной; они де написаны для оправдания вновь создавшегося иерархического строя и около середины второго века, а имя ап. Павла лишь ложно надписано. Кого слушать? Почему того ученого, а не иного? Многие ли способны взвесить самостоятельно тяжесть противоречивой аргументации? Да и многие ли вообще способны входить в тонкости научного исследования? Нет общего авторитета и неизвестно, кого слушать. Слушать же всех вместе невозможно, потому что один – в лес, другой – по дрова, один рвется в облака, другой пятится назад, а третий тянет в воду. Сомнение в подлинности книг Св. Писания возникло вместе с самим протестантизмом. Ведь уж Лютер отвергал Послание Иакова, называя его почему-то соломенным посланием. А последователи Лютера пошли несравненно дальше. Необходимо, поэтому, признать, что понятие обязательного канона Священного Писания есть понятие исключительно церковное, совершенно немислимое вне Церкви. Это полное непонимание дела, если сектанты хотят говорить о канонических и неканонических книгах Священного Писания. Протестанты немало занимаются историей новозаветного канона, но ведь эта история совершенно убийственна для понятия канонического вне Церкви. Она показывает, что канон не всегда и не во всех церквях был один и тот же. Прошло несколько веков, прежде чем канон был закреплен соборными определениями. Для нас здесь нет ничего соблазнительного, потому что мы веруем в Церковь и определения Церкви для нас одинаково священны,

принадлежат ли они второму, четвертому, двадцатому векам. Не то для протестантов и прочих отвергающих истину Церкви. Для них история новозаветного канона колеблет самое понятие канонического. Этому не скрывают более последовательные протестанты.

Адольф Юлихер, например, заключает свой очерк истории новозаветного канона весьма характерной фразой. "Бесспорный факт постепенного и человеческого происхождения новозаветного канона служит тому, чтобы освободить нас от опасности, что этот канон может из опоры сделаться гнетущим игом" [47].

Можно сказать, что на протестантской бирже акций ценность Священного Писания весьма неустойчивая, никогда, впрочем, не поднимающаяся до своей номинальной стоимости.

Этой ценности всегда грозит совершенно внезапное понижение. Вдруг какой ученый на время докажет неподлинность какой-нибудь новозаветной книги. Ведь когда господствовала тюбингенская школа Баура, от всего Нового Завета оставалось лишь 4-5 посланий ап. Павла. В настоящее время виднейшие ученые склоняются к признанию подлинности большинства книг новозаветных. Но вдруг откроют где-нибудь в Египте какой-либо папирус, который иначе осветит эпоху, и вот ценность Священного Писания у протестантов стремительно полетит вниз. Принцип внецерковного отношения к Священному Писанию уничтожает ценность самого Писания. Все отступники от Церкви, протестанты, сектанты всех родов, совершенно напрасно говорят о своем почтении к Писанию. Эти их речи – одно недоразумение и даже порою лицемерие. Разве это не характерно, что вся отрицательная, а часто и богохульная критика Писания идет от протестантов, в учении которых Писанием заменена Церковь, для которых Писание – все?

Выше я сказал, что для протестанта Писание – фетиш, истукан, бездушный идол. Думается мне, идолопоклонник все же чувствует, что идола он сам сделал. О наших диких инородцах рассказывают, что после удачной охоты они всячески ублажают своих идолов, мажут им губы салом убитого зверя, кладут в рот лучшие куски мяса. Но неудачна была охота, – того же идола начинают сечь. Так обращаются со Священным Писанием все, кто подходит к нему в отрешенности от Церкви. Пока Писание им не противоречит, их не обличает, – они его превозносят. В противном же случае они начинают своего идола безжалостно сечь, разрывают Писание на части, одни считают подложными, другие – ненужными.

Св. Иринея Лионский Писание называет райским деревом, насажденным в Церкви, но для того, кто из рая изгнан, это дерево может быть только деревом познания добра и зла, и после этого познания он может убедиться лишь в той печальной истине, что он наг. Давно, давно пора всем противникам Церкви убедиться в этой своей позорной наготе и просить у Церкви прощения, как блудный сын просил прощения у своего отца! Ведь нелепое отделение Писания от Церкви дало уже свой смертоносный плод. Ведь находятся из протестантов люди, которые утверждают, учат и проповедуют, что Христа никогда не было и на свете, что вся евангельская история – один миф. Без Церкви нет ни Писания, ни Христа, потому что Церковь – тело Христово.

Таким образом, и с отрицательной стороны утверждается истина неразрывной связи между Церковью и Священным Писанием. Внецерковное отношение к Писанию неизбежно приводит к абсурду и к потере самого Священного Писания.

Без Церкви, во-первых, нет никакой опоры при толковании Священного Писания и не Писание учит человека, а наоборот, человек навязывает Писанию содержание, какое угодно.

Без Церкви, во-вторых, будет потерян всякий определенный путь ко Христу и Его учению, потому что Христос Сам ничего не писал, апостолов же можно заподозрить в том, что учение Христово передано ими неточно.

Без Церкви, в-третьих, не имеет никакого значения канон Священных книг и все протестанты и сектанты на вопрос: почему каноничны эти именно книги? – могут

остаться только безответными или принуждены будут прибегать к постыдным "словесам лукавствия".

Общее заключение всех наших предыдущих рассуждений таково. Священное Писание есть неприкосновенная и неотчуждаемая собственность Церкви, как одно из проявлений ее благодатной жизни. Вне Церкви Священного Писания и нет, и быть не может. Не может быть вне Церкви Слова Божия; живого и действенного, потому что нет вне Церкви благодати Св. Духа. Не может быть без Церкви Священного Писания и как определенного письменного памятника, потому что не останется никакого надежного руководства для правильного понимания Писания и ничто не может ручаться за его подлинность и каноническое достоинство. Отметим еще, что, утверждая тезис: вне Церкви нет Священного Писания – мы повторяем истину, которую церковные писатели проповедовали еще во втором веке. Св. Иринеи Лионский говорил, что только в Церкви неподдельное соблюдение Писания, без прибавления и убавления, и чтение Писания без искажения [48].

По мнению Тертуллиана, рассуждать должно о том, кому принадлежат Писания [49]. Кому они не принадлежат, того к ним и допускать не следует [50]. Писания принадлежат Церкви; еретики же не христиане и не имеют никакого права на христианские Писания [51]. Еретики Церковь может спросить: кто вы такие? Вы не мои, что же у меня делаете? Это мое владение. Я владею издавна. Я имею основание от самих авторов, которым принадлежит Писание. Я наследница апостолов. Вас, конечно, навсегда они лишили наследства и отвергли, как чужих, как врагов [52].

Истина, которую мы старались обосновать, не новая, но ее следует повторять и в двадцатом веке, потому, что теперь эта истина, хотя и оправдана многократно историей, нередко забывается.

Профессор Императорской Московской Духовной Академии Архимандрит Иларион.